

ФЕМИНИСТСКИЕ КОММЕНТАРИИ

*Гендер как средство почувать под собой страну, глядя в щель
между метафизикой и политической антропологией*

Эдуард Надточий

- a. Проблема российско-советско-постсоветской политической антропологии – невозможность эксплицировать на языке тождественного и когитально-субъективного идентичность антропоса, действующего политически. Если сексуальное различие артикулируется местными антропосами достаточно ясно, то их социальная определенность остается размытой, и все категории, которыми принято описывать политическую размерность человеческого присутствия в терминах онтологии государства и связанной с ней метафизикой когитальной самоочевидности, не ложатся на местный материал без серьезных его деформаций и абстракций.
- b. Эта ситуация схожа с исходными установками гендерного анализа: проблема деонтологизации очевидного биологического разделения, нахождения скрытой социальной механики, эффектом действия которой является самоочевидность «природно» аксиоматичного распределения тел. В эту зону природно-самоочевидного в России включена вся зона, в мире государственных демократических образований регулируемая распределением социально-политических сил. Сама власть в России склонна самоописываться как неустранимая природная установка. Все рассуждения о «женской природе» России или ее народа – именно из этого дискурса природных самоочевидностей.
- c. Аппарат, применяемый в России гендерным анализом, находится в ловушке картезианской логократии. Главная установка – на субъективацию женщины

с установкой дать ей речь. Отсюда – популярность лакановских схем, в т.ч. его интерпретаций Антигоны. Женщина должна получить бытие, онтологическое присутствие, добиться места в государственном управлении, освободиться на простор присутствия из-под сени домашнего очага и замкнутости в своей биологической роли частного существа. На мой взгляд, данная установка, сомнительная даже в рамках метафизики картезианского субъекта, совершенно не соответствует проблематизации постсоветского контекста. Ее эффект обратен: он являет собой наиболее радикальную попытку создать симуляцию постсоветского присутствия среди взрослых белых мужчин. Ребенок-женщина должна стать взрослой, пройти обряд инициации когитальной субъективацией.

- d. Между тем проблемы, блокирующие «нормальную метафизику» в русском языке и в русской культуре, совпадают с современными радикальными попытками проблематизации человеческого действия вне схваченности метафизикой бытия/присутствия/тождества. Наиболее фундаментальными являются, на мой взгляд,
- i. Левинасовская концепция «иного, чем бытие»;
 - ii. Арендтовская концепция политического как человеческого;
 - iii. Фукианская концепция субъективации и «управительственности».
- e. Все эти концепции объединяет ряд общих черт:
- i. Противостояние сущности и субстанционализму;
 - ii. Борьба с онтологизмом;
 - iii. Попытка преодолеть аппарат рефлексии, когитальности и сознание как активную способность утверждения присутствия силой воли к воли;
 - iv. Выстраивание техник сопротивления субъективности как активного замыкания репрезентативного горизонта присутствия;
 - v. Опора на силы множественности и на размыкание присутствия основой неонтологического присутствия на Другом;
 - vi. Общее усилие на преодоление метафизики и антропологии.
- f. Является ли все это проблемой в России, где культура метафизического усилия отсутствует, а человеческое присутствие является скорее утопической мечтой? На мой взгляд, чтобы ответить на этот вопрос, надо более тщательно взглянуть на основания, порождающие то, что генерирует весь тот мир, с которым борется современная антиметафизика в Европе.
- i. Место, из которого говорит и метафизика, и большинство ее ниспро-

вержений (за исключением, возможно, Левинаса) – агора, место публичного политического действия.

- ii. Однако перспектива эта обманчива, она сливается с двумя другими:
- 1) город/университет, цеховой самоуправляемый союз бюргеров (буржуа);
 - 2) государство-эстас, «состояние», нейтрализующее и приватизирующее насилие публичной войны всех против всех.
- iii. Попытка преодолеть это слияние утверждает – у Арндт и Фуко, к примеру, – агору как идеальный модус преодоления метафизики, создавая, как многожды показано (к примеру, Деррида), ложную перспективу деметафизизации через греков.
- iv. Можно заметить, что вся эта проблематика достаточно чужда российской ситуации:
- 1) ничего похожего ни на наследование агоре, ни – более исторически конкретно – на реализацию городского и даже эстатического проекта государства в России не наблюдается;
 - 2) поэтому жест, к примеру, преодоление механики государства и бюргеровского присутствия агоральной концептуализацией – деконтекстуален. В этом случае происходит борьба разных утопий между собой;
 - 3) можно продемонстрировать эту утопизацию на простом примере концептуализации Арндт политики через разделение на приватное и публичное. Достаточно вспомнить ключевые для русского контекста фигуры Л. Толстого и В. Розанова, чтобы понять, насколько иначе задается вся проблематизация отношения публичного и приватного русским контекстом. Приватное и телесное оказываются – в противоположность арндтовскому жесту радикализации Хайдеггера – тем самым утопическим жестом, выстраивающим человеку его отношение к другому и замыкающим его «эгоизм»;
 - 4) однако почему в русском контексте именно женщина разрушает для литературы и философии утопию приватного? Женщина – средоточие эгоизма в русской культуре, по сути – персонализированное когито. Отсюда могут следовать разные логические выводы, но женщина в таком случае оказывается протезом «метафизики», и ее выведение из себестождественности – одна из важнейших процедур русской попытки помыслить себя.

- g. Как в таком случае следует проблематизировать соотнесение пола, метафизики и политической антропологии?
- a. Проблема множественности и «природно-циклического» в смысле Арендт. В русской ситуации сама цикличность проблемна, она не дана, а задана из множественности как фактический жест утопического отождествления. То есть биологическое тело изначально – один из трансгрессивных пределов. Но тогда сама оппозиция мужское/женское задается вне фюсисальных отождествлений.
 - b. Приватное/публичное. Приватное – также трансгрессивный предел. Это предмет политических отношений: завоевание приватного, как и завоевание «биологической цикличности», – один из главных объектов политики. Тогда схема ойкос/полис не действует по греческим моделям. Непосредственность сама «агоральна». Театральный характер этой агоральности – отношения Буратино и Мальвины. Она неполитична. Тогда как приватное соотносится с женским? И как концептуализируется «дом»?
 - c. Пространство мысли. Если внутреннее в культуре – утопический жест, то каким образом маркирует себя мужское мысли и субъекта? В чем задача гендерной политической концептуализации? Разоблачительные схемы американского феминизма деконтекстуальны.
 - d. Соотношение языка и онтологии. Логосом ли устраивается русский язык?
 - e. Русский космизм – точнее, акосмизм. Как возможна тогда гендерная проблематизация акосмизма? Деревянный человечек как человек акосмизма и Мальвина как хранитель космоса. Беспаспортность как концепт в сопоставлении с парией и безгосударственным человеком у Арендт.
 - f. «Если б ты знала, как тоскуют руки по штурвалу/мне сверху видно все, ты так и знай/первым делом самолеты»: тема машины – Бога-мужского надзора за ролями в соотношении с темой космизма.
 - g. «Ребята, давайте жить дружно». Чей это голос и откуда он исходит? Мальвина как сила нейтрализации и просвещения. Кот Леопольд и кот Матроскин как герои ойкоса. Становление женщиной: «будь у меня такой кот, я бы и не женился», «спросите у жены моей». Т.е. аппарат изготовления женского и сексизации, отсекающий женское, производимое самим локальным контекстом. Но тогда в каких отношениях со стратегией русских гендерных исследований находится государство-есть?

h. И к этому следует задать еще вопрос: какого, собственно, пола катехон в русской ситуации? Каким образом организовано «удержание» сил добра и зла от сползания в апокалипсис?

В заключение. Можно предположить, что на концептуализации женского присутствия сходятся многие нити русской попытки помыслить. Напомню мудрую мысль Горького о двух богах для мужского и женского: Бог дедушки (он же Бог Лакана, ветхозаветный Бог) противостоит Богу бабушки. Чье присутствие и каким образом гарантирует этот другой Бог – богородичный, если угодно? Не является ли дедушкин Бог тем, кто гарантирует пока наслаждение нашим современным гендеристкам? Тогда как бабушкин (тот неведомый, о котором спорил со стойками Павел) – есть неведомый бог пока сокрытого от нас возможного русского гендеризма?